

DOI: <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2019-1-65-76>

УДК 7.03;7.001.12

Филиппова О.Н.

Ассоциация искусствоведов (г. Москва)

ТВОРЧЕСТВО Г.В. СОРОКИ – ХУДОЖНИКА ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ (1823-1864 ГГ.)

Аннотация. В русском искусстве есть некая заданность, которая в наибольшей степени проявляется в судьбах людей, творчески одаренных природой, чрезвычайно талантливых, с тонкой душевной организацией. А речь, собственно, идет о том, что в тисках безвыходных обстоятельств, когда в запрете оказывается свобода на самовыражение, он, ранимый и гонимый властью, сводит счеты с жизнью. Именно такая судьба была уготована живописцу с поэтической интуицией, бесправному крепостному художнику, ученику А.Г. Венецианова (1780-1847) – Григорию Васильевичу Сороке (1823-1864).

Ключевые слова: творчество Г.В. Сороки, крепостной художник-самоучка, ученик А.Г. Венецианова, автопортрет, пейзажи, портреты, интерьер, жанровая сценка, виды имения.

Filippova Olga

Association of Art Critics (Moscow)

THE CREATIVE WORK OF G.V. SOROKA-ARTIST OF TRAGIC FATE (1823-1864)

Summary. In Russian art there is a certain task, which is most evident in the fate of people who are creatively gifted by nature, extremely talented, with a fine spiritual organization. And it is, in fact, that in the grip of hopeless circumstances, when the ban is freedom of expression, he, vulnerable and persecuted by the authorities, takes his own life. Such a fate was prepared for the artist with poetic intuition, a disenfranchised artist, a student of A.G. Venetsianov – to Grigory Vasilyevich Soroka (1823-1864).

Keywords: the creative work of G.V. Soroka, serf self-taught artist, disciple of A.G. Venetsianov, selfportrait, landscapes, portraits, interior, genre scene, types of estates.

Постановка проблемы: Можно сказать, что примерно полвека после смерти художника, его имя не существовало в русской культуре – ни в музеях и известных коллекциях, ни в традиции живописи второй половины XIX – начала XX века, ни в искусствознании и исторической памяти отечественного искусства. В последующие пятьдесят-шестьдесят лет происходит открытие художника и его творчества, постепенное, но уже необратимое утверждение его в национальной художественной культуре – в музеях, на страницах истории искусства. Утверждение состоялось, но Г.В. Сорока получил место среди учеников А.Г. Венецианова, в ряду других венециановцев, т.е. стал известен, как художник второго ряда русского искусства. В 1970-1980-е годы началось – и продолжается по восходящей – осознание истинного значения Г.В. Сороки, сказавшего свое очень важное, необходимое слово в русском искусстве, вставшего рядом с теми, кого мы уже привычно называем выдающимися, крупнейшими, великими. Имя и творчество крепостного художника входят ныне в великую и живую традицию русской живописи, и полнота этой традиции уже невозможна без него.

Анализ последних исследований и публикаций. О самом художнике мы знаем очень мало. Другие живописцы оставили дневники, воспоминания, письма, Г.В. Сорока – только свои картины. Правда, сохранились письма его учителя А.Г. Венецианова к «владельцу» художника Н.П. Милюкову [5, с. 3]. По этим письмам можно довольно ясно, иногда с живыми подробностями, представить окружение художника, обстановку, в которой протекала его жизнь, людей, от которых зависела его судьба. Цель данной публикации, на основе библиографических источников, раскрыть искусство Г.В. Сороки, как значительное художественное явление.

Григорий Васильев, получивший позднее прозвание Сорока, родился 15 ноября 1823 года в деревне Покровской Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Деревня была не очень большой, но и не маленькой. В середине XIX века в ней числилось двадцать шесть дворов и около двухсот человек жителей. Покровская принадлежала богатым помещикам Милюковым. Одним из многочисленных крепостных был отец будущего художника Василий Савельев, крепостным родился и Григорий Сорока. Его детство, по всей видимости, не отличалось от детства других крестьянских мальчиков.

Однако, есть сведения, что Г.В. Сорока «с малолетства самоучкой выучился рисованию» [5, с. 3]. Дальнейшую судьбу Г.В. Сороки определила воля его барина Николая Петровича Милюкова, который владел усадьбой «Островки», что была в двух верстах от деревни Покровской [5, с. 4]. В 1841 году Н.П. Милюков взял в дворню восемнадцатилетнего Г.В. Сороку, несомненно, уже тогда отличавшегося тонкостью душевного склада и артистичностью натуры. Н.П. Милюков был человеком, не чуждым и занятиям искусством. В помещичьем доме Г.В. Сорока увидел картины, гравюры, книги; прислуживая господам, он мог слышать не только разговоры «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне», но и рассуждения о литературе и искусстве [5, с. 5]. По-настоящему счастливым для юноши оказалось то обстоятельство, что частым гостем в доме Н.П. Милюкова был известный художник, академик живописи – Алексей Гаврилович Венецианов, который жил в тридцати верстах от «Островков» в своем небольшом благоприобретенном имении – сельце Сафонкове [5, с. 5]. А.Г. Венецианов был человеком необыкновенно добрым: он всегда кому-то помогал, о ком-то хлопотал, за кого-то заступался. Он был страстно одержим благородным стрем-

лением отыскивать в народе таланты и, встретив одаренного юношу, не жалел сил и средств для того, чтобы сделать из него художника. Как в старинные времена, ученики жили в его доме, он кормил и одевал их. Художник А.Н. Мокрицкий (1810-1870) вспоминал впоследствии о своем учителе так: «Он и воспитывал нас и добру учил, а кого и грамоте заставлял учиться. Его семейство было нашим семейством, там мы были, как его родные дети» [5, с. 6].

К 1840-м годам из «Сафонковской школы», как называл ее А.Г. Венецианов, вышло около семидесяти человек [5, с. 6]. Судьба их была различна: некоторые сделали неплохую художественную карьеру, другие канули в неизвестность, иные умерли молодыми. Одним из последних по времени учеников А.Г. Венецианова стал Г.В. Сорока, с которым он познакомился в конце 1841 года. А.Г. Венецианов часто бывал в «Островках» и в разговорах с Н.П. Милюковым не раз пытался уговорить его дать волею одаренному юноше, мечтавшему о свободе и учении в Петербурге [2, с. 2]. Но, Н.П. Милюков, хотя и считал себя «просвещенным» человеком, однако, никак не хотел расстаться со своим крепостным [2, с. 2]. Доведенный до крайности Г.В. Сорока, видимо, совершил какой-то проступок в отношении помещика. Когда он, наконец, отпустил Г.В. Сороку для обучения к А.Г. Венецианову, последний писал о нем в письме: «Письмо ваше я получил и вести давал о явке ко мне Григория... Не предсказывал ли я вам или, лучше сказать, опасениями моими не остерегал ли я вас от того, что случилось с вашим Григорием. Он не виноват, а вы виноваты – вы ему дали направление, а потом остановили, вы ему дали почувствовать удовольствие внутреннее, тронули его душу из склепа положительного и остановили... Ежели я его возьму, то тоже будет, даже не тоже, а хуже, тогда, когда у него останется перспектива теперешняя...» [2, с. 2].

О внешности и характере художника-самоучки можно судить по раннему автопортрету начала 1840-х годов (илл. 1).

За робостью и скованностью живописной манеры и рисунка в облике изображенного угадывается тонкость настоящей художественной натуры. Внешне спокойное, но внутренне напряженное выражение лица выдает нервность и впечатлительность, присущие характеру Г.В. Сороки.

Особенно выразительны светлые, серьезно-задумчивые глаза, окруженные легкой тенью и мягко очерченные сомкнутые губы. Время учения и работы под руководством А.Г. Венецианова в его имении: «Сафонково» были самыми счастливыми в жизни Г.В. Сороки, несмотря на то, что Н.П. Милюков окончательно определил судьбу своего крепостного, сделав его садовником [2, с. 2]. Безнадежность зависимого положения Г.В. Сороки скрадывалась ощущением близости и постоянного дружеского участия внимательного наставника – А.Г. Венецианова. В письмах своих к Н.П. Милюкову он сообщает о плане обучения Г.В. Сороки: «Вы можете Григорию позволить написать у вас какую-нибудь внутренность – отнюдь не комнат ваших, а то, что он по своему инстинкту найдет для себя приветливым... Голов и фигур не позволяйте ему писать месяца три-четыре и более, ну, да

Илл. 1. Г.В. Сорока. «Автопортрет». Начало 1840-х годов. Х., м. // Частное собрание (Москва)

Илл. 2. Г.В. Сорока. «Вид на палисадник в усадьбе Н.П. Милюкова «Островки»». 1840-е гг. Х., м. // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

увидимся и тогда более и более поговорим» [2, с. 2]. А.Г. Венецианов приучал своих учеников правдиво отображать природу, наблюдать явления обыденной жизни. В произведениях, исполненных Г.В. Сорокой в эти годы, выражена душевная гармония, радостное чувство слитности с окружающим миром природы. К наиболее ранним работам художника относится маленький пейзаж: «Вид на палисадник в имении «Островки» [2, с. 2] (илл. 2).

Г.В. Сорока изобразил уютный уголок парка с круглыми зелеными газонами и дорожками, посыпанными песком. Слева дорожка ведет к балюстраде, ярко освещенной солнцем. Золотистый песок, ярко-голубое, чуть желтеющее у горизонта небо, синева воды словно согреты теплыми лучами ласкового вечернего солнца.

На землю уже легли длинные тени, замерла густая листва на деревьях и кустарниках. Г.В. Сорока не вполне еще владеет перспективой, которая передана несколько наивно. Одна-

Илл. 3. Г.В. Сорока. «Гумно». 1840-е годы. Х., м., 65,0 x 53,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ко, погрешности такого рода окупаются чувством восхищения художника перед открывшейся его взору красотой природы, окрашенной в чистые, звучные краски. Немного позже, видимо, по совету А.Г. Венецианова изобразить «какую-нибудь внутренность» Г.В. Сорока пишет картину: «Гумно» (1840-е гг.) [2, с. 2] (илл. 3).

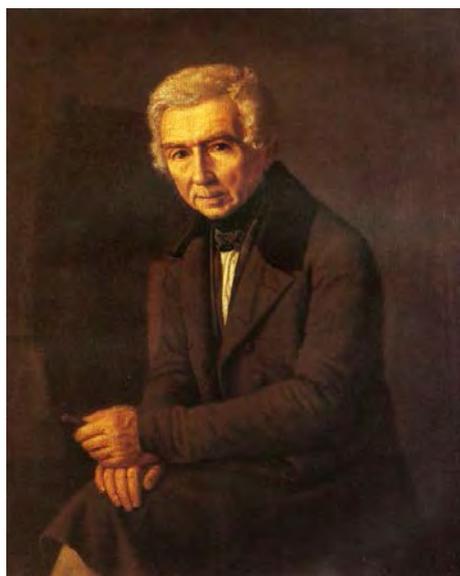
Художник выбирает из окружающей его жизни знакомый с детских лет скромный и незатейливый мотив. Спокойная созерцательность, глубокая поэтичность восприятия мира, свойственная работам А.Г. Венецианова, и здесь находит свое «приветливое» выражение [2, с. 2]. Г.В. Сорока внимательно рисует, перекрытый балками, полутемный овин, со стоящим в глубине него, около машины, крестьянином. На первом плане, у широкого проема стены изображены две крестьянские девочки, собирающие с пола мякину. Их неподвижные, словно бы за-

стывшие в своем движении фигурки в грубых полупубках и платках написаны с подкупающей простотой и сердечностью. Полны душевного обаяния и некрасивые лица девочек. Несмотря на темноватый общий колорит картины, Г.В. Сорока чувствует выразительность мягких тонов в их взаимодействии с реальным освещением. Наивной прелестью, внутренней гармонией веет от этого скромного полотна, в котором мир простых вещей органически связан с бытием человека. По-видимому, вскоре после: «Гумна» был написан портрет А.Г. Венецианова [2, с. 3] (илл. 4).

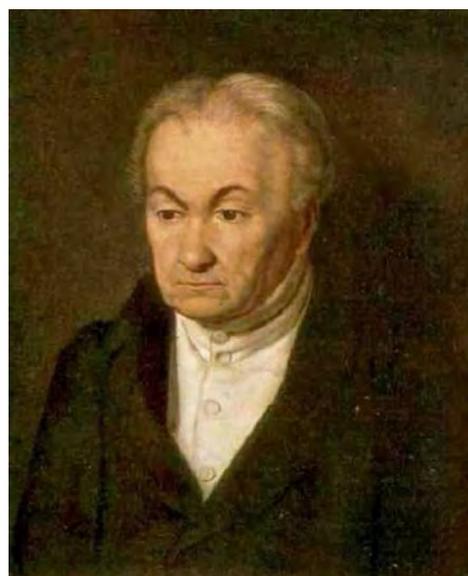
Г.В. Сорока изобразил своего наставника со сложенными на коленях руками и склоненной на ссутулившихся плечах побелевшей головой. Глубокие морщины избороздили лицо старого, уставшего человека, в его чуть, слезящихся глазах с пытливым и внимательным взглядом сквозит, присущая художнику доброжелательность и чуткость. Скромному облику А.Г. Венецианова отвечает цветовая гамма: коричневый сюртук с черным воротником, оживленный лишь белым треугольником рубашки.

Портреты не были главной темой творчества Г.В. Сороки, однако он создал несколько интересных образцов в этом жанре. Как дворцовый живописец, художник должен был, прежде всего, писать портреты своих хозяев. В портрете Н.П. Милюкова (1840-е гг.) наглядно передана внутренняя сущность портретируемого, человека властного и деспотичного (илл. 5).

Выразительны живые, с сосредоточенным взглядом, недобрые глаза старика, погруженного в свои мысли, его недовольно сложенные губы и морщинистые щеки. Седая голова с характерной посадкой пожилого человека, благодаря сильному освещению, четко вырисовывается на темном нейтральном фоне. Строго и серьезно подошел Г.В. Сорока к своей задаче портретиста. За внешней неподвижностью фигуры и мимики лица Н.П. Милюкова скрывается правдиво выявленный характер. Какие-то внешние приемы композиции, цветового решения сближают пор-

Илл. 4. Г.В. Сорока. «Портрет А.Г. Венецианова». 1840-е гг. Х., м., 63,0 x 49,0 см // Государственная Третьяковская галерея

Илл. 5. Г.В. Сорока. «Портрет Н.П. Милюкова». 1840-е гг. Х., м. // Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Илл. 6. Г.В. Сорока. «Портрет Е.Н. Милюковой (в замужестве Березиной)». Конец 1840-х годов. Х., м., 25,0 x 33,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Илл. 7. Г.В. Сорока. «Портрет А.И. Позднеева». Конец 1840-х годов. Х., м. // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

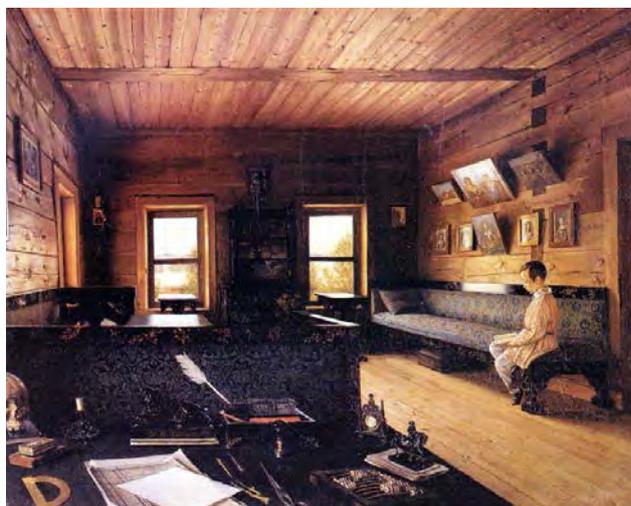
треты А.Г. Венецианова и Н.П. Милюкова. Однако, какая разница, очевидна, в их трактовке образов! В портретах дочерей Н.П. Милюкова художник передал очарование и наивное простодушие юности. Особенно хорош портрет Е.Н. Милюковой (в замужестве Березиной) (илл. 6).

Гладкая прическа с пробором посередине, внимательный взгляд черных блестящих глаз и припухшие ребячливые полураскрытые губы соответствуют нравственному облику девочки, чистоте ее не задетого жизнью существа. В линиях, обрисовывающих кокетливо склоненную головку, плечи в открытом темно-коричневом платье с розоватым узором, сквозит своеобразная грация, милое изящество. «Портрет Аркадия Ивановича Позднеева» (конец 1840-х гг.) Г.В. Сороки остался незаконченным [5, с. 26] (илл. 7).

А.И. Позднеев сидит, выпрямившись и подняв голову, рука изящно и устало опущена. У него немного асимметрично расположенные глаза, надменный взгляд, капризный излом бровей, некрасивый нос с толстой переносицей. Во всем облике чувствуется «породистость», холодная недоброжелательность и, несмотря на молодость, нездоровая вялость [5, с. 26]. В противоположность смуглым, темноглазым Милюковым А.И. Позднеев человек другой «масти» [5, с. 26]. Его бело-розовое лицо, светлые волосы и глаза дали художнику возможность решить портрет в новой цветовой гамме. В тон зеленоватым глазам написан галстук и очень красивого блекло-зеленого цвета сюртук, мягкий коричневый цвет волос повторяется в подобном же оттенке спинки дивана.

Наконец, самая незавершенность портрета дает возможность видеть быстрый «текущий» мазок художника [5, с. 27]. Г.В. Сороке пришлось изображать и внутренние помещения барского дома. Прекрасным образцом интерьера может служить: «Кабинет в Островках» 1844 года [2, с. 3] (илл. 8).

Г.В. Сорока обращается к миру простых, обыденных вещей, тесно связанных с жизнью челове-

Илл. 8. Г.В. Сорока. «Кабинет в «Островках»». 1844 г. Х., м. // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ка, отчего все предметы, изображенные им, полны особого смысла, конкретно материальны, согреты чувством заботливого к ним отношения. Первый план занят плоскостью стола с различными письменными принадлежностями: чернильницей, подсвечником, бумагой, ножницами и т.д.

Стол упирается в спинку длинного дивана, стоящего вдоль всей стены. Другой длинный диван расположен на противоположной стороне. Пространство по сравнению с ранними произведениями здесь решено очень цельно и органично. Линии потолка, пола, диванов ведут к окнам на торцевой стене. Сквозь стекла закрытых рам белеет озеро, проглядывает нежная, редкая зелень деревьев и бледное голубое небо. В комнате разлита тишина и покой теплого, уютного жилища. Общее настроение дополняет фигурка, присевшего на край дивана мальчика с раскрытой книгой на коленях. Непринужденная поза, читающего, выражает тихую сосредоточенность подростка, погруженного в свой затаенный мир

Илл. 9. Г.В. Сорока. «Отражение в зеркале». 1840-е гг. Х., м., 41,8 x 88,6 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Илл. 10. Г.В. Сорока. «Рыбаки. Вид в имении «Спасское»». 1840 г. Х., м. // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Илл. 11. Г.В. Сорока. «Вид на плотину в имении «Спасское»». 1840-е гг. Х., м., 88,0 x 69,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

чувств. Г.В. Сорока умеет передать внутреннюю сущность и самостоятельную значимость не только простых предметов реального мира, но и особую цельность, ясную гармонию душевного мира человека. Колорит произведения построен на строгих сочетаниях синих с желтоватыми отблесками, черных и розовых тонов. Спокойное, длительно-устойчивое состояние бытия словно призывает к созерцательному восприятию мира, к постижению его безыскусственной красоты и скромной прелести. Этими же качествами обладает жанровая сценка: «Отражение в зеркале», которая несмотря на отсутствие подписи, считается работой Г.В. Сороки [2, с. 3] (илл. 9).

В ней художник отразил скромную, полную внутреннего смысла и повседневного труда жизнь простых людей. Используя прием двойного отражения в зеркале, Г.В. Сорока объединяет в единый художественный образ прекрасно написанный натюрморт первого плана с фигурами беседующих о своей работе в глубине комнаты двух дворовых женщин. Одним из лучших пейзажей Г.В. Сороки является пейзаж: «Рыбаки. Вид в имении «Спасское»» (1840), в котором также нет почти никакого действия, развернутого сюжета [2, с. 3] (илл. 10).

Главное для художника здесь – это средствами живописи передать полное слияние человека с чистым и светлым миром природы. В полотнах Г.В. Сороки природа представлена простой и величавой, доброй и поэтичной. Большое место отведено в «Рыбаках. Вид в имении «Спасское»» изображению воды и неба [2, с. 3]. Гладкая поверхность реки, как в зеркале, отражает мягкую голубизну неба, согретого теплыми лучами, заходящего солнца. Все объято тишиной и безмятежным покоем. Этому впечатлению способствует спокойный ритм линий, плавные очертания предметов первого и второго планов. Едва касаясь воды, медленно плывет узкая долбленая лодка – ее подталкивает веслом, стоящий в ней парень, одетый в белые порты и длинную, вздернутую у пояса рубаху. На голове у него темная с высокой тульей шляпа. Второй парень изображен на берегу реки спиной к зрителю. Привстав на одно колено, с удочкой в руке, он замер в немом ожидании. Обе фигуры своими светлыми, обобщенными силуэтами прекрасно гармонируют с необъятным простором равнинного пейзажа, с ощущением раздолья родной природы.

Г.В. Сорока использует мягкие приглушенные тона голубого неба и воды в сочетании с теплыми коричневыми и зелеными оттенками травы, лодочки, строений, парка. Вечерний свет объединяет все краски в единое целое, придавая им особую теплоту и цветовую наполненность. Проводя большую часть времени в имении: «Островки» или в расположенных поблизости от озера Молдино деревнях, Г.В. Сорока обращался к изображению окружающих его мест [2, с. 4]. Неоднократно писал он виды имения: «Спасское», расположенного невдалеке от озера Молдино [2, с. 4]. Пейзаж: «Вид на плотину в имении «Спасское»» отличается эпически спокойным, возвышенным настроением [2, с. 4] (илл. 11).

Сплошной, неподвижной массой рисуются темные купы деревьев на фоне светлого, высокого неба. Блестящая вода, остановленная плотиной,

словно замерла, отливая голубыми и сизо-зелеными полосами. На берегу Г.В. Сорока представил крестьянских женщин, неторопливо совершающих свою скромную трапезу. Рядом с ними стоит парень, держа косу на плече. Художник удивительно умел связать фигуры крестьян с их замедленными движениями и величавыми позами с окружающей, такой же величавой и простой природой. Изображения крестьян в произведениях Г.В. Сороки подчас кажутся геометрически упрощенными по силуэту, однако это придает им своеобразную монументальность, близкую обобщенно-лаконичной трактовке пейзажа. Удивительно хороша крестьянка, одетая в длинную, широкую кофту, с коромыслом через плечо в картине: «Вид озера Молдино» (1840-е гг.) [2, с. 4] (илл. 12).

Спокойными очертаниями своей статной и рослой фигуры она прекрасно вписывается в пейзаж, полный свободной силы, мерного дыхания жизни. Важно отметить, что все свои лучшие произведения Г.В. Сорока исполнил в годы непосредственного общения с А.Г. Венециановым, который помогал ему советами, держал в курсе современных художественных интересов. Со смертью А.Г. Венецианова в 1847 году Г.В. Сорока потерял духовную поддержку, столь необходимую ему в его зависимом от помещика положении, и превратился просто в дворового человека своего владельца. Несмотря на это, в 1850-х годах Г.В. Сорока еще продолжал работать. К этому времени относится его работа: «Вид на озеро в усадьбе Островки» с крестьянским мальчиком, тянущим из воды лодку [2, с. 4] (илл. 13).

Пейзаж этот, однако, уступает его ранним работам. Талант крепостного живописца был обречен на медленное угасание. Г.В. Сорока был освобожден в 1861 году вместе с другими крестьянами и переселился в свою родную деревню Покровскую. Защищая права крестьян на землю, Г.В. Сорока составил жалобу на Н.П. Милюкова и отправил ее Александру II. Письмо это было вскоре возвращено в Тверь и «за сделанные грубости и ложные слухи в волости» Г.В. Сороке присудили трехдневный арест и телесное наказание [2, с. 4]. В официальных документах сообщается, что художник «затосковал», «ходил, задумавшись по деревне» [2, с. 4]. Мысль о предстоящем унижительном наказании привела его к самоубийству. 10 апреля 1864 года Г.В. Сорока повесился. Так, трагично закончилась жизнь талантливого крепостного живописца, воспевшего в своих произведениях неяркую, но глубоко проникновенную красоту родной природы.

Таким образом, ища душевного равновесия в общении с настоящей и дружественной по отношению к человеку природой, Г.В. Сорока вкла-

Илл. 12. Г.В. Сорока. «Вид озера Молдино». 1840-е гг. Х., м., 69,0 x 88,5 см // Тверская областная картинная галерея (Тверь)

Илл. 13. Г.В. Сорока. «Вид на озеро в усадьбе Островки». 1840-е гг. Х., м., 50,5 x 64,5 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

дывал в свои произведения мечту о свободной и счастливой жизни. Величественность, широта, своеобразная народная песенность, присущие мировосприятию художника, придают его творчеству глубоко национальный характер. Все свои лучшие произведения Г.В. Сорока исполнил в годы непосредственного общения с А.Г. Венециановым, который помогал ему советами, держал в курсе современных художественных интересов.

Список литературы:

1. Алексеева Т.В. Григорий Васильевич Сорока. 1823-1864. М.: Государственное изд-во: «Искусство», 1955. 36 с.
2. Григорий Сорока. Альбом. / Авт. ст.: И. Сахарова. М.: Государственное изд-во: «Изобразительное искусство», 1970. 4 с.: ил.
3. Григорий Сорока. 1823-1864. Каталог выставки. Л.: Изд-во ГРМ, 1975. 104 с.: ил.
4. Григорий Сорока (Васильев): живописец с поэтической интуицией и бесправный крепостной – в одной жизни // Русская галерея-XXI век. – 2007. – № 1. – С. 58-60.
5. Михайлова К.В. Григорий Сорока. Л.: Изд-во «Художник» РСФСР, 1974. 32 с.: ил. (Массовая библиотечка по искусству).
6. Островский Г.С. Григорий Сорока. СПб.: Изд-во «Искусство-СПб», 1993. 215 с.: ил.
7. Обухов В.М. Григорий Сорока. М.: Изд-во: «Искусство», 1982. 86 с.: ил.